

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

**ЕГО
УДАЧА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Зайцева

Его удача

<https://litres.ru/74141769>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она по-прежнему темноволосая. И губы красит красным. И вообще не изменилась.

Его удача. Его Лаки.

Живая, надо же.

Клинт скользит и скользит взглядом по тексту, вбивая его в память, навсегда, навечно.

Новое имя. Фамилию. Профессию. Семейное положение. Замужем. Дочь. А ты не теряла времени даром, да, Лаки?

Принесла удачу кому-то другому.

Ну ничего. Это решаемо.

Клинт тянется к экрану телефона, проводит пальцами по лицу Лаки, нежно, непривычно нежно

И усмехается.

Когда не просишь ничего, тебе дают все.

И даже больше.

Содержание

1	4
2	11
3	17
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Зайцева

Его удача

1

Лаки. Так её зовут. Звали.

Черноволосая, худая, тонкая. Губы, пухлые от природы, вечно замазаны красной краской.

И курит, все время курит.

Лаки. Удача. У мамыши была тяга к дешевым вестернам.

Потому что он — Клинт. Хорошо, хоть не Иствуд, а то бы совсем треш.

И без того веселье им в детдоме было.

Лаки и Клинт. Истомины.

Оборжаться.

Она курит, стряхивает пепел прямо на пол. Вся пепельница забита окурками, перемазанными красным. Как будто кровью. Как будто мало в их жизни крови.

Какой-то зализанный дебил, с повадками жиголо, наклоняется близко к ней, шепчет что-то на ухо, будто ненароком проводя костистой лапой по гладкому бедру. До края самой нелепой, самой развратной на свете красной юбки со шнуровкой с двух сторон. Где она ее только откопала, дрянь?

Она вообще на редкость дешево выглядит сейчас. И эта

кофта в сетку, и эти гладкие черные волосы, и эти красные губы...

Лаки хохочет в ответ на нелепую шутку смертника, поощряя дальнейшее движение лапы. Под подол.

Ну все. Хватит.

Клинт ловит ее взгляд, секунду наслаждается промелькнувшей в нем паникой. Идет, не торопясь. Никуда она не денется.

— Пошли.

Она лишь презрительно вскидывает подбородок, показательно выпускает дым в его сторону. Бесит. Специально. Знает, что он терпеть этого не может.

Ее кавалер, которому сегодня удача явно понадобится, но не светит, лыбится неполным набором зубов, нахально оглядывает Клинта с ног до головы.

Клинт знает, что не производит впечатления. Строгий классический костюм, аккуратная стрижка, очки. Скромный, незапоминающийся парень. Очень удобно.

— Малыш, это кто? — какой голос противный, как она терпит, когда он ей на ухо что-то шепчет? Да еще и из пасти воняет, наверно. Чего только не сделаешь, чтоб позлить. — Твой охранник? Он тебя пасет?

— Он меня всю жизнь пасет. — Лаки, не выдержав все-таки, отворачивается. — Это мой брат.

— Ну так скажи ему, что сегодня я за тобой присмотрю.

Больше говнюк не успевает ничего сказать, потому что у

Клинта кончается терпение.

Выволакивая сопротивляющуюся девчонку из очередного низкопробного гадюшника, Клинт думает, что парень легко отделался. Сломанной рукой. Той самой, которой лез под юбку его Лаки. А все потому, что времени нет. Совсем нет. Не вовремя она свое выступление затеяла, мелкая дрянь.

Лаки не прекращает орать, и он легко шлепает ее по щеке, приводя в чувство и заставляя замолчать, а затем заталкивает на заднее сиденье припаркованной неподалеку машины.

Из города надо убираться как можно скорее.

И машину сменить.

Он поглядывает в зеркало заднего вида на уже успокоившуюся Лаки с неизменной сигаретой в губах. Ловит ее ненавидящий взгляд.

— И что это было? — холодно спрашивает ее. Не то, чтоб нужен был ответ, и без того все понятно. Но разговор надо поддержать, чтоб не надумывала себе слишком много лишнего.

А то ведь надумает.

— Отвали, урод, ненавижу тебя.

Она говорит это настолько безэмоционально, что даже не обидно. Ну да, ненавидит. И пусть. Главное, что рядом. Его Лаки. Его Удача.

— Я тебе сказал сидеть в отеле. Не могла два часа подождать?

— Как нашел?

— Не дожدهшься.

— Тварь. Отпусти меня. Отпусти уже.

Лаки говорит отрывисто, делая затяжку на каждое короткое предложение. Надо отучать ее от сигарет. А то так рак легких заработает, а ей еще детей рожать. Ему.

Она не смотрит на Клинта, не ждет ответа. Знает, что бесполезно. Что не отпустит. Кто же свою удачу отпускает?

— Переоденься. Там, в сумке.

Лаки режет его долгим взглядом, затем выбрасывает сигарету и демонстративно стягивает через голову мерзкий сетчатый топ. Под которым нет белья.

Клинт жадно косится на маленькую грудь с острыми сосками, нога сильнее давит на газ. Выехать за пределы города, остановиться в какой-нибудь посадке, чтоб с дороги не видно...

Лаки копается в сумке.

— Сколько в этот раз?

— Два.

— Маловато что-то.

Клинт только крепче стискивает руль. Тварь мелкая. Мало ей. Все мало.

Она натягивает тонкую водолазку. И смотрится теперь еще более развратно, чем до этого, в том мерзком топе, который он сожжет непременно. Водолазка нихера не скрывает, и в зеркале отчетливо видно небольшую грудь с натянувшими мягкую ткань сосками.

Клинт отворачивается.

Надо переключиться. Не время сейчас.

— Послушай... Клянусь, скоро все. Нам еще одно дело...

— Нам? — Лаки смеется, что-то судорожно ищет в сумке, — нет никаких нас, братик! Есть только ты. Ты и твое безумие.

— Не дури! — он не оборачивается, не смотрит на нее, стискивает зубы, — и не называй меня так! Мы с тобой всегда были вместе! Только ты мне нужна! Ты — моя, Лаки! Моя!

— Кто твоя? — она все еще копается в вещах, — сестра? С сестрами не спят, ублюдок!

— Ты не сестра! — рычит он, не сдержавшись, лупит обеими ладонями по рулю, — у нас нет общей крови!

— А кто я? Кто? — не менее истерично кричит Лаки, и слезы, перемешиваясь с краской для ресниц, катятся по бледным щекам.

— Удача. Моя удача.

Он говорит это тихо. Очень тихо. Она не слышит. Или делает вид. Ищет что-то в сумке, и Клинт, не видя больше ее заплаканного лица, сосредотачивается на дороге, сильнее сжимая руль.

Нельзя отвлекаться, нельзя сейчас тормозить. Им надо обратиться из города, пока не выставили кордоны.

Твари-полицейские в последнее время стали очень шустрými...

Того и гляди, придется менять сферу деятельности.

Дорога, освещаемая только фонарями по обеим сторонам, совершенно пустая.

И это хорошо.

Есть шанс выскочить. У них всегда все получалось, на последних нервах, на последних выдохах, но получалось. Потому что удачливые. Он — удачливый засранец, да...

И его удача с ним.

— Останови! — в затылок ему упирается пистолет. Вот что она в сумке искала! Как он забыл? — Больше я с тобой не поеду.

— Лаки, не дури, говорю тебе, — он лишь сильнее давит на газ, глядит ей в глаза в зеркало, — ну чего ты выдумываешь? Ты же знаешь, что я люблю тебя. Мы же так долго вместе.

— Нет! — она внезапно начинает орать, и становится понятно, что все это время Лаки еще старательно сдерживала истерику, — мы не вместе! Мы давно не вместе! Я не хочу больше! Я устала, я тишины хочу! Покоя!

Он опасается, что палец на курке дрогнет. Обращаться с оружием она умеет. Сам учил. Клинт собирает все силы, чтоб говорить спокойно, размеренно, успокаивая ее. Чуть поворачивается, чтоб, если что, успеть уклониться. Он думает, что услышит, как щелкнет курок, и успеет.

Но не успевает.

Встречный пикап сигналил внезапно и страшно.

Не все можно проконтролировать. Особенно с ней. С его Лаки.

Клинт успевает затормозить. И даже уходит от столкновения.

Выкручивает руль, съезжая с дороги.

Все-таки удача с ним.

Вот только дерево на пути некстати.

И Лаки, не пристегнутая...

Она не успевает выстрелить. Жаль.

Клинт смотрит на изломанное тело на влажной траве. Садится рядом, поправляет красную, очень развратную юбку, задравшуюся до трусов. У нее закрыты глаза. Он никак не может решить, хорошо это или плохо?

Пожалуй, хорошо. Не хочется помнить ее пустой взгляд.

Клинт зажмуривается, воскрешая в голове ее яростные, полные слез глаза, в зеркале. Ее красные пухлые губы. Ее черные, длинные, гладкие волосы. Покой. Его удача хотела покоя.

Резко встает и идет прочь.

Когда в утренней дымке его догоняет и сигналом приказывает остановиться полицейская машина, Клинт даже не пытается сопротивляться. И не удивляется, что его остановили, что его так легко и быстро нашли.

Это закономерно и правильно.

Ведь его удачи с ним больше нет.

2

— Ну бывай, парень.

Голос охранника, прокуренный и ленивый — идеальное музыкальное сопровождение для завершения еще одного этапа в жизни Клинта.

Он кивает, поправляет строгий пиджак, привычно трогает дужку очков, идеально скрывающих мертвенное безумие в глазах, и переступает порог.

На улице зима, снег летит, оседая на лацканах пиджака, и Клинт, чуть поевшись, поднимает воротник.

Его взяли летом.

Сейчас зима.

Клинт сует руки в карманы брюк, вдыхает морозный воздух, любит выдыхаемым паром.

Вокруг белое и серое, обычная зимняя мрачность.

И над головой — тоже серо.

Ощущения, что на свободе, что вырвался из клетки, нет.

Мир для этого слишком маленький, слишком ограниченный.

И пустой. Ему в клетке пусто было, как в склепе. И теперь ничего не поменялось, тот же склеп. Лишь чуть побольше.

Клинт смотрит в одну сторону от ворот, высоченных, увитых сверху колючей проволокой, потом в другую, решая, куда пойти. В каком направлении двигаться.

И, наконец, разворачивается направо.

Мог бы и налево, разницы никакой.

Его никто нигде не ждет.

Под ногами стелется поземка, утреннее солнце тусклым пятном висит над горизонтом. Низко.

И ни души вокруг, только собаки с той стороны забора лают, лениво, не злобно, просто выполняя свою работу.

Машину Клинт слышит издалека, тут, в утренней зимней пустоте, звуки разлетаются на километры.

Не оглядывается, идет себе, мерно переставляя ноги в щегольских ботинках с узкими носами и выдыхая морозный пар.

— Эй, парень, подвезти? — машина притормаживает, мужик за рулем внимательно осматривает остановившегося Клинта.

— Куда? — спрашивает тот.

— До города могу. Надо тебе?

Клинт думает пару секунд, затем кивает и садится на переднее.

Машина трогается.

— Освободился? — заводит разговор водитель. Клинт кивает. Смотрит вперед, а затем и вовсе откидывается на сиденье, чуть прикрыв глаза.

Острый внимательный взгляд мужика ощущает отчетливо и сдерживается, чтоб не усмехнуться.

Он знает, как выглядит, знает, какое впечатление произ-

водит. Безопасное. Люди не настораживаются при виде него. Почему-то очкариков все считают немного рохлями и не ждут подвоха. Это Клинту всегда на руку. Было и есть.

Он сидит, откинувшись затылком на спинку сиденья и делает вид, что слегка разморило в тепле машины.

Такой внешне потерянный, усталый парень. Очки придают образу беззащитности и наивности.

Водитель кидает на него внимательные взгляды, думая, что Клинт этого не замечает.

Чутье редко подводит Клинта. Раньше, когда с ним была его удача, вообще никогда. А сейчас... Сейчас пока непонятно.

И потому он осторожничает, изо всех сил маскируясь под лоха.

А сам лениво перебирает в голове варианты того, зачем мог понадобиться этому доброхоту.

В благие намерения Клин давно уже не верит. Еще в детстве отучился. Отучили.

— Работа, может, нужна?

Следующий вопрос закономерен и ожидаем.

Клинту становится скучно.

Хотя и до этого все было пусто и безразлично. Вся его жизнь теперь — безразличие и пустота.

Потому что нет той, что наполняла ее красками.

Надо узнать, где Лаки похоронили. Не факт, что пойдет смотреть, но знать почему-то необходимо...

— У меня есть человек, которому нужны рабочие, — продолжает мужик, так и не дождавшись от Клинта хотя бы какой-то реакции, — если не боишься физического труда...

— Стройка? — уточняет Клинт, исключительно ради скуки.

— Ну... Типа того, — кивает мужик, — за что сидел, если не секрет? Мошенничество?

— Типа того, — тянет Клинт, — ошибка...

— Бывает, — с готовностью пускается в философские рассуждения мужик, — они, твари, вообще не смотрят. Им лишь бы посадить невинного... А я сразу понял, что ты не виноват...

Клинт сдерживает хмыканье, по-прежнему смотрит перед собой, ловя краем глаза внимательный и недобрый прищур водителя.

— Ты, может, пить хочешь? Или пожрать? — говорит мужик, — глянь, вон, в двери.

Клинт тянется за бутылкой, замечает, как на мгновение сильнее, чем нужно, сжимает на руле пальцы водитель, усмеяется про себя.

Так все банально.

Интересно, случилось ли этому уроду нарываться покрупному? Не похоже, иначе был бы осторожней...

Хотя, теперь будет.

Если выживет.

Он показательно медленно откручивает крышку с бутыл-

ки, подносит к губам... и резко выплескивает содержимое в лицо напряженно косящегося на него водителя.

Одна рука на руль, кулак — в изумленно искривленную физиономию.

Машина идет юзом и тормозит мордой в сугроб на обочине.

Вполне мягко.

Клинт легко выскакивает со своего места, перепрыгивает через капот и вытаскивает еще не пришедшего в себя водилу из-за руля.

Сует мордой в снег, проводя реанимационные мероприятия.

Мужик матерится и пытается отбиваться.

Клинт легко добавляет носком ботинка по почкам, затем несильно придушивает, прихватив железными пальцами за кадык.

Водила только хрипит, глаза испуганно вылезают из орбит.

Клинт отпускает, поудобней устраиваясь на корточках рядом, поправляет чуть сбившиеся во время небольшой потасовки очки.

— Что было в бутылке? — спрашивает холодно.

И по еще больше увеличившимся глазам водителя понимает, что догадка верна. Определенно, что-то было.

Скольких же он вот так уже поймал тут, у ворот тюрьмы? И увез туда, откуда нет возврата?

Интересно, кто из охры с ним в сговоре? Впрочем, неважно, в любом случае, мужика решили слить, раз навели на него, Клинта.

Потому что там, с той стороны забора, все прекрасно знают, что из себя представляет высокий, внешне безобидный очкарик.

Клинт лупит по шее мужика, разбивая кадык, методично обшаривает карманы, забирая документы и мелочь, хмыкает на небольшой ствол, который мужик так и не успел достать.

Садится в машину, дает по газам, оставляя бездыханное тело на обочине и мгновенно забывая про него.

И нет, ему не жаль.

Никогда не было.

3

— Лаки Истомина? Надо посмотреть... Когда, говоришь, погибла?

— Пять лет назад.

— Гляну базу. Бабки налом. И вперед.

Клинт спокойно отсчитывает, толкает вперед, через стол. Смотрит, как проворно исчезают они в пухлых лапах мента, откидывается на спинку стула, пьет пиво, лениво осматриваясь.

Дешевый бар, тот самый, из которого пять лет назад он вытащил свою удачу, вообще не поменялся. Все то же дерьмо.

Клинт ловит на себе взгляд девчонки, сидящей у бара. Она улыбается и поднимает бокал с пивом.

Клинт отворачивается. Ему не интересно это. Никогда не было интересно. Для него всегда была только Лаки. Его удача.

С самого детства.

С той минуты, когда мать принесла сопящий кулек в их халупу и отдала ему, семилетнему, в руки.

— Вот, — она икнула на него перегаром, — сестра тебе.

— Сестра... — Клинт замер, бережно прижимая к себе тепло дышащий сверток, поднял удивленные глаза на мать.

Она не ходила беременной, живота не было, это точно.

Клинт, уже к своим семи много чего повидавший, прекрасно знал, откуда берутся дети. И то, что эта мелкая точно взялась не из живота матери, понял сразу.

— Ну да, — мать, устав стоять, повалилась на кровать, — Люська, сучка, родила... И подохла... А мне теперь возись...

Люська, тетя Люся, была подругой матери.

— Ты это... — мать, уже засыпая, вяло пощелкала пальцами, — покорми ее... Молоком, там...

Молока в доме не было, но Клинт не стал спрашивать, где его взять. Там же, где все это время добывал себе еду он сам.

Кулек в его руках засопел громче, а затем закричал.

Клинт пошел в свой угол и аккуратно положил сестру на кровать.

Распеленал.

Девочка, такая крошечная, что не верилось, что настоящая, смотрела на него не по-детски серьезно и внимательно.

И глаза ее, голубые, пронзительные, были совсем не детскими.

— А как ее зовут? — громко спросил Клинт, не особо надеясь на ответ, впрочем.

— Лаки... — неожиданно ответила мать, сонно зевнула и добавила, — удача, то есть. Удачу нам принесет, сынок.

— Лаки... — Клинт посмотрел на ребенка, покатав на языке странное имя, — удача.

Он протянул руку к девочке, и та с неожиданной сноровкой и силой ухватила его за палец.

Клинт не стал отнимать ладонь, позволил потянуть, наклонился и, внимательно глядя в синие до боли глаза, сказал тихо и уверенно:

— Удача. Моя.

— Эй, парень! — толстые пальцы щелкают перед лицом Клинта, и тот, моргнув, пристально смотрит на собеседника. И, видно, не до конца берет себя под контроль, потому что полицейского от его взгляда ощутимо продирает дрожью, чуть ли не отшатывая от стола. — Ты чего?

Клинт еще раз моргает, с усилием выгребая из воспоминаний, не приносящих в настоящее ничего, кроме боли.

— Ничего. Ты что-то сказал?

— Я говорю, завтра наберу тебе. И скину все на почту.

Клинт кивает, встает из-за стола и, не прощаясь, идет к выходу из заведения.

Избегая смотреть на дальний столик в углу. Тот самый.

Почему-то кажется, что, стоит необдуманно остановиться и кинуть туда взгляд, как снова увидит Лаки.

Пьяную, с неизменной сигаретой в губах. Ноги, худые, длинные. Красная блядкая юбка. Черные волосы. И глаза — пистолетными дулами. Смотреть невозможно, дыхание перехватывает. Один неловкий шаг — и выстрел.

Почему-то он помнит ее именно такой, живой и яростной, разбитой болью и отчаянием. Мозг защищается, не желая оставлять в памяти картину ее переломанного тела на

обочине.

Словно не было ничего такого.

Словно Лаки, его удача, вот-вот переступит порог этого клоповника, посмотрит на него презрительно, скривит красные губы.

А он подойдет к ней и на глазах у всего бардака молча стиснет в руках, причиняя боль. Заглянет в глаза, выискивая в них что-то, невероятно нужное. То, без чего не живет.

Хорошо, что у нее были закрыты глаза там, на обочине.

Плохо, что не успела выстрелить, завершая его путь в этом гребанном мире.

Хотя... Она и так справилась.

4

Клинт, не веря, еще раз перечитывает сообщение от мента. Потом снова и снова.

Встает, тянется дрожащими пальцами к сигаретной пачке, наплевав на то, что бросил в тюрьме.

Закуривает, выдыхает дым. Смотрит в потолок, после — в окно, где зимний день необычно ярок.

Настолько, что глаза слепит.

До слез.

Клинт моргает, удивленно ощущая влагу на ресницах, трогает ребром ладони глаза, вытирает, изучает мокрый след на коже.

Он видел свои слезы в последний раз...

Да, в детстве.

Когда Лаки подхватила какую-то дрянь в детском саду и валялась двое суток без сознания, в бреду.

Он менял на огненном лбу стремительно сохнувшие мокрые тряпки, пытался напоить ее, маленькую совсем, теплой водой с растворенным в ней старым засахаренным малиновым вареньем, найденным на антресолях. Его еще бабка варила, похоже.

Мать сутки назад усвистала куда-то с очередным мужиком, которого приказывала называть папкой, и Клинт при всем желании не мог бы ее найти.

Он смотрел на мечущуюся в бреду Лаки и плакал. От страха, от одиночества. От того, что именно в тот момент умирала единственная его соломинка, та, что помогала, не давала скатиться в канаву, в грязь.

Только ради нее он держался все это время, усердно учился, бегал по подработкам, даже занимался всякой незаконной херней, за которую могли в колонию упечь. Но он был хитрым, ловким и быстрым. А еще у него была Лаки, его удача, маленькая, черноволосая, с пронзительными синими глазами. Она ждала его дома, верила, что вернется. И он всегда возвращался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.